# Саратовская гимназія—устава графа Уварова—прошлаго столѣтія. 1851—1859 годы.

(Воспоминанія питомца).

*„Какъ посмотрѣть вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.*

*Грибоѣдовъ.*

Родился я въ малодостаточной семьѣ отставного штабсъ-ротмистра—ветерана россійскаго воинства начала прошлаго столѣтія, который послѣ усиленныхъ трудовъ и тягостей военно-походной службы во время турецкой войны 1828—1829 годовъ и польской войны 1831 года, за ранами, долженъ былъ оставить службу, выйдя въ отставку. Въ 1834 году отецъ отправился въ Ялту управляющимъ имѣніемъ генерала Шатова, бывшаго командира полка, въ которомъ служилъ мой родитель, гдѣ и поселился. Благодатный климатъ Крыма, съ благорастворенным воздухомъ и дешевизною въ то время предметовъ первой необходимости—все это какъ бы улыбалось удобству и спокойной семейной жизни отца, получавшаго 200 руб. пенсіи и 360 руб. въ годъ (на серебро) вознагражденія по управленію имѣніемъ. Тѣмъ не менѣе систематически увеличивавшаяся семья и подростаніе малышей требовали воспитанія ихъ, что̀ понудило покойнаго моего родителя оставить Крымъ, гдѣ, за неимѣніемъ тогда казенныхъ учебныхъ заведеній, нельзя было и думать объ образованіи дѣтей. И вотъ отецъ выбралъ дешевое и хлѣбное мѣсто на Волгѣ—городъ Саратовъ, куда и переѣхалъ со всѣми домочадцами въ 1843 году, когда мнѣ было два года.

Въ семьѣ нашей было четыре брата и всѣ разновременно поступали и оканчивали ученіе въ Саратовской гимназіи. На мою

долю пришлось сдѣлаться гимназистовъ въ 1850 году—девяти лѣтъ. Въ то время пріемъ вступающихъ въ гимназію не былъ стѣсненъ экзаменами, а по простотѣ тогдашнихъ нравовъ и всероссійской снисходительности, при небольшомъ поощреніи доброты благожелательнаго начальства, сыновья подростки приводились отцомъ или матерью въ квартиру директора, который послѣ нѣсколькихъ легкихъ вопросовъ, предложенныхъ футурусу, и кое-какихъ его отвѣтовъ, протягивалъ руку къ отцу или матери въ знакъ того, что мальчикъ удовлетворяетъ требованіямъ и можетъ быть принятымъ. Родители заранѣе разузнавали суть дѣла, подавали свою руку директору съ тайно скрытой въ ней монетою. Такимъ же порядкомъ и я былъ удостоенъ пріема въ I-й классъ гимназіи за бакшишъ доброму директору золотого въ 5 рублей; а такой золотой по тогдашнему времени былъ очень рѣдокъ въ обращеніи и считался большимъ и цѣннымъ кушемъ.

Директоромъ гимназіи въ то время былъ Кругловъ, а инспекторомъ Левандовскій—полякъ; первый вскорѣ умеръ, а послѣдній пробылъ около двухъ лѣтъ, т. е. до 1852 года. О Левандовскомъ сохранилась въ моей памяти лишь страсть его къ ежедневнымъ поркамъ учениковъ за пустячныя провинности и грубость его обращенія, доходившая до мордобитія, за что и самъ онъ подвергся тому же, получивъ сдачи отъ одного изъ гимназистовъ 7-го класса, вынужденнаго на такой поступокъ ругательствомъ и дракою инспектора. Результатомъ такого печальнаго инцидента была ссылка гимназиста рядовымъ на Кавказъ и устраненіе Левандовскаго отъ должности съ увольненіемъ на покой.

Послѣ Круглова въ концѣ 1850 года директоромъ Саратовской гимназіи былъ назначенъ статскій совѣтникъ А. А. Мейеръ, университетскій кандидатъ филологъ; а впослѣдствіи, вмѣсто Левандовскаго, инспекторомъ былъ присланный изъ Казани кандидатъ математическаго факультета Э. Х. Ангерманъ.

Директоръ Мейеръ кичился своей должностью, дозволявшею ему бывать у губернатора, предводителя дворянства и у прочей губернской братіи, числящейся въ рангѣ знатныхъ. Обращеніе его съ учениками было возмутительное; выраженія: оселъ, болванъ, негодяй, мерзавецъ такъ и сыпались изъ устъ главенствующаго воспитателя. Что касается его познаній, то они сводились къ тому, что, считая себя знатокомъ исторіи на экзаменахъ, нерѣдко вступалъ въ споры съ бойкими знающими учениками 7-го класса, и получалъ отъ нихъ отпоръ, справедливость котораго одобрялась и учителемъ; въ такихъ случаяхъ директоръ рычащимъ носовымъ звукомъ кричалъ на отвѣчающаго ученика: „оселъ, молоко-

сосъ, не понимаешь, что говоришь со мною (тыкая себя въ грудь), а не съ равнымъ себѣ", при этомъ вскакивалъ со стула и, выходя изъ класса, продолжалъ свои ругательства по адресу своего противника. Хотя Мейеръ не прибѣгалъ къ рукоприкладству, но своимъ грубымъ, доходившимъ до хамства, обращеніемъ могъ возмутить любого изъ юношей, особенно взрослыхъ, самолюбіе которыхъ попиралось въ присутствіи товарищей. Такъ и случилось въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда одинъ изъ учениковъ 6-го класса, въ присутствіи своихъ товарищей, выведенный изъ терпѣнія грубостью Мейера, нанесъ ему личную обиду, за что, по обыкновенію того времени, юноша-виновникъ былъ зачисленъ въ рядовые, а директоръ уволенъ въ отставку.

Ходъ и успѣхъ учебной части, равно и воспитательной, не интересовали директора, хотя онъ раза 3—4 въ недѣлю и бывалъ въ гимназіи, обходя всѣ классы, оставаясь въ каждомъ 5—6 минутъ; такія посѣщенія, въ родѣ прогулки, требовали не болѣе одного часа времени. Затѣмъ Мейеръ возвращался къ себѣ на квартиру (при гимназіи), гдѣ, позавтракавъ, отправлялся съ обычными визитами къ сильнымъ городского міра или же гулялъ дома по комнатѣ, уставленной разными растеніями, и выкуривалъ трубку за трубкою массу табаку. Вечерами Мейеръ отправлялся въ театръ или концертъ, а также посѣщалъ знакомыхъ; впрочемъ, разъ 5—6 въ году онъ обходилъ ночью спальныя комнаты гимназическаго пансіона. Главное же вниманіе директора было обращено, чтобы гимназисты были гладко острижены, носили форменное платье и были бы ниже травы, тише воды. Такимъ образомъ основная суть идеи гимназіи, педагогическій ея строй и самый методъ преподаванія— все это было для директора какъ бы дѣломъ до него не касающимся.

Инспекторъ Ангерманъ былъ лютеранинъ; язвительная злость его характера превосходила изъ извѣстныхъ тирановъ іезуитовъ, такъ какъ онъ не гнушался кровавыхъ пòрокъ большихъ и малыхъ учениковъ и, съ злобною улыбкою на устахъ, съ мефистофельскимъ выраженіемъ физіономіи, всегда на нихъ присутствовалъ лично и нерѣдко собственноручно ублаготворялъ розгами обнаженныя педагогическія части учениковъ. Тиранство это доходило до такой жестокости, что наказаннымъ нерѣдко приходилось пользоваться услугами весьма незатѣйливаго и скуднаго гимназическаго лазарета, гдѣ можно было найти горчишники, aqua destillata, хининъ (sulfaticum) въ порошкахъ, березовую примочку, тинктуру арника и т. п. препараты; что же касается до услугъ доктора или фельдшера, то за ними надо было посылать, такъ какъ они являлись въ гимназію

ежедневно около полудня (на всякій случай) и черезъ какихъ-нибудь полчаса исчезали.

Памятный для учениковъ Ангерманъ, какъ математикъ, прекрасно зналъ физику и др. математическіе предметы, которые, за болѣзненнымъ отсутствіемъ учителей, и преподавалъ весьма успѣшно, такъ какъ объясненія его были толковы и ясны. Но и это временное занятіе не препятствовало ему продолжать ежедневныя свои наблюденія по подслушиванію и подсматриванію за дѣятельностью учениковъ въ классахъ,—чему способствовали щели и замочныя отверстія дверей, а также овальныя застекленныя отверстія въ тѣхъ же дверяхъ. Кромѣ того онъ пользовался доносами пуделей (такъ ученики называли классныхъ надзирателей—педелей), которые трепетали передъ инспекторомъ, если они ограничивали число своихъ сплетенъ на учениковъ.

Вообще личность Ангермана была психически феноменальна, какъ и всѣ его поступки; какъ свободный въ праздники, онъ обязательно бывалъ въ киркѣ, гдѣ усердно читалъ молитвенникъ, внимательно выслушивалъ проповѣдь пастора и въ то же время слѣдилъ и высматривалъ за присутствующими въ киркѣ гимназистами и, если кто-либо изъ нихъ возбуждалъ недовольство богомольнаго инспектора (не по формѣ одѣтъ, съ разстегнутымъ сюртукомъ, выпущеннымъ изъ-за галстуха бѣлымъ воротничкомъ рубахи и т. п.), то онъ, по окончаніи службы, старался виновнаго разыскать и дѣлалъ ему внушеніе, а на слѣдующій день подвергалъ его наказанію. Съ присущей ненормальностью Ангерманъ былъ тираномъ и въ своей семьѣ, потому что маловозрастныя дѣти—его сыновья—нерѣдко имъ наказывались—что знали всѣ гимназисты, такъ какъ квартира инспектора была при гимназіи. Въ концѣ концовъ ненормальность Ангермана подтвердилась прискорбнымъ для него фактомъ. Будучи переведенъ изъ Саратова директоромъ гимназіи въ Самару, послѣ какой-то учиненной имъ порки, въ виду грозившаго ему давленія свыше—изъ округа—онъ сошелъ съ ума.

Совершенно такъ же, какъ директоръ, такъ и инспекторъ Ангерманъ былъ не заинтересованъ стройнымъ ходомъ занятій въ гимназіи; для него самымъ главнымъ считалось, чтобы учителя аккуратно исполняли свою службу, т. е. своевременно являлись, отнюдь не опаздывая, и тѣмъ не укорачивали бы длительность уроковъ, а что и какъ дѣлалось на этихъ урокахъ, инспекторъ въ это не вникалъ, лишь бы занятія начинались и кончались въ срокъ.

Охарактеризовавъ начальство гимназіи, необходимо ознакомиться съ высшимъ органомъ управленія тогдашняго Казанскаго учебнаго

округа — съ попечителемъ генералъ-маіоромъ Шахматовымъ. Это былъ шамкающій, беззубый и безволосый ветеранъ двѣнадцатаго года, богатый — по наслѣдству — помѣщикъ, получившій, какъ бывало встарь, домашнее воспитаніе и по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ дѣтскаго возраста записанный кандидатомъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, въ который и поступилъ на службу по достиженіи имъ 16 лѣтъ. Дальнѣйшая его военная служба, благодаря связямъ и знакомству родственниковъ съ высшими военными властями, протекла въ канцеляріяхъ при штабахъ и въ адъютантскихъ должностяхъ; послѣ нѣсколькихъ походовъ и небольшого числа лѣтъ службы онъ дошелъ до командира армейскаго пѣхотнаго полка, а затѣмъ былъ произведенъ въ генералы, въ каковомъ чинѣ въ 1858-мъ году былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Что за человѣкъ былъ Шахматовъ и каковы его знанія и характеръ, лучше всего укажутъ нѣсколько нижеслѣдующихъ, фактически бывшихъ эпизодовъ во время службы его попечителемъ. Когда онъ, по назначеніи попечителемъ, пріѣхалъ въ Казань, то первымъ долгомъ направился въ тамошній университетъ, гдѣ потолокъ входнаго вестибюля поддерживается (и понынѣ) четырнадцатью колоннами — по семи съ каждой боковой стороны — и въ промежуткахъ между ними поставлено одиннадцать музъ Аполлона. Шахматовъ, обратясь къ встрѣтившему его ректору съ профессорами, съ удивленіемъ спросилъ: „почему такая несимметрія,—съ одной стороны стоитъ шесть фигуръ, а съ другой только пять? — слѣдуетъ поставить и двѣнадцатую“. Ректоръ объяснилъ, что музъ Аполлона только одиннадцать и двѣнадцатой не существуетъ. Затѣмъ однажды онъ вошелъ въ одну изъ аудиторій университета, въ которой шелъ ремонтъ, и рабочіе закрѣпляли крюкъ для средней потолочной лампы; посмотрѣвъ на это, попечитель спросилъ окружающихъ его: „а должно быть, мастеръ знатокъ, если сумѣлъ безошибочно найти середину потолка?“ Ему отвѣтили, что дѣло это простое—стоитъ только протянуть съ угла на уголъ діагонали, пересѣченіе которыхъ дастъ центральную точку потолка. „А что такое діагонали?“—спросилъ попечитель, — ему объяснили. Однажды, пріѣхавъ въ Саратовъ для ревизіи городскихъ учебныхъ заведеній, на экзаменѣ географіи въ одномъ изъ классовъ гимназіи (пишущій эти строки самолично слышалъ) Шахматовъ разсказалъ, что въ молодости онъ бывалъ въ Штиріи, изобилующей вѣковыми лѣсами, и онъ, проѣзжая по лѣснымъ дорогамъ, видѣлъ порубку этихъ лѣсовъ, а черезъ два года, возвращаясь назадъ, нашелъ, что вырубленный лѣсъ былъ уже большой, и толщина его стволовъ была вотъ

*

такая,—показывая при этомъ сложенную въ кулакъ руку. Надобно замѣтить, что возрастъ Шахматова былъ преклонный, при которомъ разговаривая, сидя засыпалъ и, очнувшись, забывалъ содержаніе прежнихъ рѣчей. Къ такой забывчивости, по всей вѣроятности, относятся и его воспоминанія давно минувшихъ дней; быть можетъ Штирію, ѣхавши за границу, онъ пересѣкъ одною дорогою, а, возвращаясь, ѣхалъ другою, по которой и видѣлъ молодой лѣсъ, казавшійся выросшимъ на мѣстѣ срубленнаго. Характеръ Шахматова былъ не изъ умѣренныхъ, свидѣтельствомъ чему служитъ его личное распоряженіе, во время пріѣзда въ Саратовъ,—жестоко высѣчь виновника гимназиста, нанесшаго, какъ выше упомянуто, личное оскорбленіе инспектору Левандовскому.

Всегдашнія ревизіи попечителя не шли далѣе обхода имъ классовъ гимназіи, кухни и др. хозяйственныхъ помѣщеній и наблюденія за чистотою зданія какъ внутри, такъ и извнѣ. Съ педагогами Шахматовъ былъ весьма холоденъ, не вступалъ въ разговоры и лишь незамѣтнымъ склоненіемъ головы отвѣчалъ на ихъ привѣтствія. Ни пріѣздъ, ни отъѣздъ попечителя не вліяли на перемѣну или улучшеніе способовъ и системы учебныхъ занятій или на освѣженіе затхлости въ персоналѣ учителей.

Предпославъ плачевную характеристику начальствовавшаго персонала Саратовской гимназіи, слѣдуетъ замѣтить, что гимназія эта была предназначена къ точному отправленію функцій, предначертанныхъ уставомъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, чтобы юношество ознакомилось съ науками по утвержденнымъ программамъ и одобреннымъ учебникамъ; тѣмъ не менѣе нищіе духомъ педагоги, ограничиваясь лишь указаніемъ „отъ сихъ до сихъ“, оказались не на высотѣ своего призванія, чтобы удовлетворительно исполнить выпавшую на нихъ миссію. Нижеслѣдующее повѣствованіе будетъ достаточно яркимъ изображеніемъ только-что сказаннаго.

Форма гимназистовъ того времени состояла изъ чернаго суконнаго двубортнаго сюртука съ краснымъ воротникомъ и бѣлыми металлическими пуговицами съ гербомъ губерніи и фуражки съ краснымъ околышемъ [1]); для табельныхъ дней, экзаменовъ и для явки и представленія начальству, каждый ученикъ долженъ былъ имѣть однобортный мундиръ, также съ краснымъ воротникомъ и обшлагами на рукавахъ; по бокамъ воротника, спереди, нашивались бѣлыя позументныя двойныя петлицы. Строгое соблюденіе формы

[1]) Красные околыши фуражекъ гимназистовъ были поводомъ для народа называть ихъ „грачами“.

учениками и забота объ этомъ составляла одну изъ священныхъ обязанностей начальства.

Всѣхъ классовъ въ гимназіи было семь, изъ которыхъ три первыхъ именовались младшими, а четыре остальныхъ — старшими. Классныхъ отдѣленій не было, и потому въ младшихъ классахъ число учащихся доходило до 70 человѣкъ, а иногда и болѣе въ каждомъ; при этомъ многіе неуки просиживали въ одномъ и томъ же классѣ по пяти и болѣе лѣтъ, что̀ не возбранялось тогдашними порядками. Годовая плата съ приходящихъ учениковъ была 100 руб., а съ пансіонеровъ за полное содержаніе и ученіе взималось 200 рублей въ годъ и число пансіонеровъ доходило до 100 человѣкъ, при общей численности учениковъ гимназіи въ 300 человѣкъ. Скученность народонаселенія младшихъ классовъ, дурной въ нихъ воздухъ, недостаточность надзора учителей при невозможности за многолюдствомъ класса дѣлать своевременныя указанія и испытанія учениковъ — все это дурно отражалось на здоровьи и успѣхахъ послѣднихъ, да и учителя смотрѣли на свое дѣло, какъ на службу изъ повинности, лишь бы получить своевременно жалованье, а тамъ хоть не рости въ полѣ трава.

Ежедневныя занятія въ гимназіи начинались въ 9 часовъ утра и оканчивались въ половинѣ третьяго дня; длительность каждаго класснаго урока была $1^1/_4$ ч., такъ что два первыхъ урока оканчивались въ $11^1/_2$ часовъ и до 12 дня была получасовая перемѣна (отдыхъ), затѣмъ наступала очередь двухъ слѣдующихъ классовъ.

Предметы преподаванія въ гимназіяхъ того времени были общеизвѣстны и тѣ же, что и теперь; разница только въ томъ, что преподаваніе древнихъ языковъ и законовѣдѣнія (для не проходящихъ курсовъ латинскаго и греческаго языковъ) начиналось съ четвертаго класса.

Для надзора за тишиной и порядкомъ въ гимназіи и аккуратностью посѣщенія учениками уроковъ имѣлись два классныхъ надзирателя (ученики называли ихъ пуделями). Одинъ изъ нихъ Макаръ Ивановичъ Макаровъ былъ отставной унтеръ-офицеръ, георгіевскій кавалеръ, съ выправкою такъ называемой палочной академіи, дерзкій, грубый и всегдашній наушникъ живодера-инспектора. Этотъ эксъ-педагогъ занимался рукоприкладствомъ, выражавшимся въ драніи ушей до крови, даваніи щелчковъ по лбу учениковъ, съ которыми даже вступалъ въ единоборство, когда они озвѣрялись на Макарова на его жестокія трепки. Такой типъ надзирателя считался въ то время удовлетворительнымъ еще и потому, что, будучи изъ солдатъ, разсуждавшихъ по-своему о дисциплинѣ, Макаровъ зналъ строевую службу, къ которой тогда пріучали гимназистовъ при по-

мощи унтеръ-офицеровъ Саратовскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона. Макарову поручалась—при учебныхъ военныхъ экзерціяхъ—роль начальника, дѣлавшаго отмѣтки успѣвающимъ и нерадивымъ ученикамъ. Другой надзиратель былъ коллежскій регистраторъ Колесниковъ, когда-то жившій въ Сарептѣ, гдѣ служилъ въ акцизномъ управленіи по сбору въ казну доходовъ съ табачныхъ плантацій и фабрикъ, и успѣлъ заслужить чинъ. Онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, какъ самоучка, и допускался къ преподаванію въ 1 и 2 классахъ. Человѣкъ этотъ былъ хотя нѣсколько мягче Макарова, но не пользовался любовью учениковъ за мздоимство и презрѣніе его къ ученикамъ бѣдныхъ или скупыхъ богатыхъ родителей.

Законоучитель протоіерей отецъ Павелъ былъ магистръ богословія Казанской духовной академіи, добрѣйшей души, любившій дѣтей и мягко съ ними обходившійся. Онъ своею кротостью и любезностью пріохочивалъ учащихся къ твердому познанію преподаваемаго имъ предмета и пользовался искреннею любовью и уваженіемъ своихъ питомцевъ. Священникъ этотъ преподавалъ во всѣхъ классахъ гимназіи ветхій и новый завѣтъ, пространный катехизисъ и церковное богослуженіе. По своей кротости и богобоязненности отецъ Павелъ старался отдаляться отъ всякаго начальства и преклонялся только передъ саратовскимъ преосвященнымъ, епископомъ Аѳанасіемъ, высокообразованнымъ и умнымъ архипастыремъ, который ежегодно посѣщалъ годичные экзамены закона Божія и, довольный отвѣтами учениковъ, милостиво благодарилъ законоучителя.

Географію во всѣхъ классахъ преподавалъ Е. А. Бѣловъ — университантъ—умный и образованный педагогъ, умѣвшій сдѣлать свой предметъ интереснымъ и полезнымъ для учениковъ черезъ знакомство ихъ не только съ знаніемъ тогдашняго печатнаго курса географіи Ободовскаго, но и съ культурою народовъ, ихъ нравами и обычаями, значеніемъ устройства и могущества государствъ, климатическими свойствами странъ и т. п. Чтеніе русской географіи онъ такъ же обогащалъ свѣдѣніями о народахъ, населяющихъ государство, ихъ бытѣ, природныхъ богатствахъ Россіи, о значеніи рѣчныхъ системъ и омывающихъ наше отечество морей и вліяніи ихъ на ростъ и развитіе промышленности и т. н. Вообще этотъ лекторъ былъ педагогъ, сознательно относившійся къ своему дѣлу, и тѣмъ способствовалъ не только къ знанію, но и умственному развитію своихъ учениковъ. Впослѣдствіи Бѣловъ оставилъ гимназію и, поселившись въ Петербургѣ, занимался литературными трудами въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“. Бѣловъ былъ человѣкъ развитый, сдержанный, любилъ учениковъ и старался разсказами и чтеніемъ

въ классѣ интересныхъ повѣствованій, путешествій или описаній природы и ея даровъ различныхъ мѣстъ Россіи и другихъ странъ, сдѣлать географію живымъ, полнымъ интереса предметомъ въ смыслѣ его воспитательнаго значенія для юношества, всегда жаждущаго чего-либо новаго и интереснаго, но не скучнаго книжнаго руководства по учебнику. Память о Бѣловѣ не исчезла и понынѣ въ бывшихъ его слушателяхъ при воспоминаніи давно минувшихъ лѣтъ ихъ юношескаго преуспѣянія въ наукахъ.

Русскій языкъ, т. е. грамматика и исторія литературы преподавались: первая въ трехъ младшихъ классахъ, а вторая—въ старшихъ, начиная съ четвертаго. Въ то время, когда мнѣ пришлось проходить младшіе классы, было два преподавателя: Дмитрій Андреевичъ Андреевъ, а послѣ его смерти Сперанскій.

Андрееву ученики дали прозвище „Митька-сайга“—что означало сходство его съ дикимъ животнымъ сайгакъ. Педагогъ этотъ, почерпнувъ свою премудрость по грамматикѣ изъ прохожденія имъ курса уѣзднаго училища и толстаго печатнаго учебника Востокова, придерживаясь котораго, заставлялъ учениковъ въ зубряжку заучивать изложенные въ немъ правила и примѣры; грамматическіе разборы и диктовки педагогъ не любилъ. Человѣкъ этотъ при его тучности былъ лѣнивъ и малорѣчистъ, хотя нерѣдко, при безпорядкѣ въ классѣ между учениками, онъ возстановлялъ тишину съ стихотворными изреченіями, сопровождаемыми понудительными дѣйствіями въ видѣ дранья за уши, ударовъ въ лобъ щелчками или всегда имѣвшейся въ его рукахъ тяжелой металлической тавлинкой съ нюхательнымъ табакомъ. Безобразный лицомъ съ вѣчно заспанными глазами съ розоватою въ родѣ моркови шишкою, отправляющею назначеніе его носа, струившагося табачною влагою—педагогъ этотъ, входя въ классъ, начиналъ урокъ гнусавою, едва слышною прерывистою рѣчью, на первомъ планѣ которой стояло значеніе русскаго языка вообще (что повторялось на каждомъ урокѣ) и затѣмъ, усиленно натуживаясь, переходилъ къ туманному изложенію правилъ: склоненія, спряженія, значенія падежей, глаголовъ и др. частей рѣчи, смотря потому, что онъ думалъ задать ученикамъ къ будущему уроку. Подобная лекція продолжалась около получаса и оканчивалась тѣмъ, что, подходя къ старшему въ классѣ, бралъ у него учебникъ Востокова и карандашемъ отчеркивалъ на поляхъ все то, что соотвѣтствовало его краткому слово-изверженію — это означало заданіе урока, который ученикъ обязывался приготовить къ слѣдующему классу. Но если прочесть отчеркнутое Андреевымъ по книгѣ и затѣмъ разсказать своими словами, то на бесѣду эту потребовалось бы не полчаса, а часа $1^1/_2$—2. Такимъ образомъ рѣчь Андреева

была только намекомъ на то, что ученикамъ слѣдовало выучить въ зубряжку.

Послѣ первой половины класса русскаго языка, такъ сказать повѣствовательной, начиналось испытаніе учениковъ въ знаніи заданнаго имъ урока учителемъ. Въ это время классъ преобразовывался въ какой-то комическій театръ, гдѣ разыгрывалась веселая пьеса вродѣ оперетки, съ пѣніемъ, живыми движеніями и быстрою перемѣною картинъ. Учитель, спрашивая ученика урокъ, лѣниво шагалъ по узкой классной площадкѣ въ видѣ корридора между передними партами и стѣною и исподлобья взиралъ на учениковъ, замѣтивъ шалости которыхъ, протискиваясь между партами, невозмутимо подходилъ къ виновному и, хватая его за ухо, велъ его на площадку впереди партъ и заставлялъ стать на колѣни, говоря: „въ Сибири ѣздятъ на оленяхъ, а ты стой на колѣняхъ“. Такое вожденіе учениковъ было по одиночкѣ и парами, такъ что къ концу класса колѣнопреклоненнымъ статистамъ недоставало мѣста, тогда ихъ фамиліи записывались Андреевымъ въ памятную его книжку, дабы подвергнуть ихъ такому же наказанію въ слѣдующій его урокъ. Подобныя путешествія учениковъ на колѣнопреклоненіе сопровождались заунывнымъ пѣніемъ всего класса церковной пѣсни „Исаія ликуй“ или „се женихъ грядетъ“—что, возбуждая лектора, влекло его къ азарту, и онъ уже не водилъ, а вызывалъ виновныхъ стихотворными возгласами: „Эй ты, Петровъ, знаешь падежъ именительный, ну такъ выходи и будь почтительный“ или „Семеновъ, болванъ, колѣна преклони, да собой такихъ же дураковъ не заслони“. Бывало такъ, что изъ 30 и болѣе стоящихъ на колѣняхъ, крайніе, подвигаясь вправо и влѣво, старались скрыться за партами и ползкомъ на четверенькахъ исчезали и располагались въ лежачемъ положеніи позади партъ, такъ сказать за аванъ-сценою класса. Звонокъ въ продольномъ корридорѣ между классами давалъ знать объ окончаніи урока, читалась громко молитва, и Андреевъ направлялся къ выходу изъ класса, напутствуемый тихимъ пѣніемъ: „выйди вонъ, выйди вонъ, ты изъ класса кувыркомъ“.

Вотъ типъ просвѣтителя добраго стараго времени, который усугублялъ тьму, охватившую разсадники просвѣщенія, лишая ихъ возможности полезнаго служенія юношеству нашей родины. Плачевныя потуги тогдашнихъ педагоговъ не ограничивались уже приведенными примѣрами, но они были пріурочены почти всему персоналу учащихъ, за исключеніемъ немногихъ, что̀ будетъ видно изъ послѣдующаго.

Другой учитель русскаго языка, Сперанскій, бывшій студентъ какого-то университета, но не окончилъ курса, былъ изъ семинари-

стовъ. Онъ старался казаться джентльменомъ, но съ оттѣнкомъ, свойственнымъ природѣ его званія, проявлялъ замашки людей кланяющихся и заискивающихъ передъ начальствовавшими, чтобы получить отъ нихъ похвалу или повышеніе. Поэтому онъ, какъ младшій учитель, получающій ограниченное жалованье, происками и лестью пріобрѣлъ довѣріе директора Мейера, по ходатайству и хлопотамъ котораго пристроился учителемъ русскаго языка въ Саратовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ римско-католической семинаріи, что̀ дало ему средства обветшалую свою экипировку сдѣлать франтовскою и сдѣлаться любителемъ быть всегда навеселѣ, въ каковомъ видѣ онъ являлся нерѣдко и въ классы съ растрепанными чувствами. Не придерживаясь курса Востокова, Сперанскій излагалъ преподаваемый имъ предметъ словесно, давая свои краткія письменныя замѣтки; заставлялъ заучивать наизусть басни, стихотворенія, занималъ учениковъ грамматическимъ разборомъ, но почти не практиковалъ ихъ диктовками, чтобы пріучить къ правильному письменному изложенію мыслей. А какъ лекторъ былъ всегда въ возбужденномъ настроеніи, то проявлялъ несдержанность, соединенную съ грубостью и ругательствомъ, по отношенію къ ученикамъ, къ которымъ относился съ презрѣніемъ и надменностью, то все это отзывалось нелюбовью къ нему учениковъ, которая увеличивалась еще и тѣмъ, что Сперанскій часто жаловался на учениковъ звѣрюинспектору, что̀ сопровождалось обыкновенно немедленнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. А такъ какъ крики наказуемыхъ доходили до слуха учениковъ, то Сперанскій съ ядовитою улыбкою поучалъ ихъ такъ: русскій языкъ систематическій, стройный и строгій по своимъ правиламъ и благозвучію, доказательствомъ чего и служитъ де тотъ вопль, который издаетъ теперь подвергнутый сѣченію. Сперанскаго мнѣ пришлось перетерпѣть въ бытность мою въ третьемъ классѣ, когда онъ скончался отъ излишней дозы принятаго какого-то возбудительнаго средства.

Такимъ образомъ и Сперанскій (хотя былъ лучше, чѣмъ Андреевъ) своимъ участіемъ мало обогатилъ познанія своихъ слушателей, коекакъ пріобыкшихъ къ грамматическимъ правиламъ, но не утвердившихся въ способности къ правильному письменному изложенію рѣчи.

Какъ выше сказано, съ четвертаго класса гимназіи начиналось знакомство учениковъ съ русскою литературою, которая, по счастью для учащихся, была въ рукахъ опытныхъ и достойныхъ преподавателей, Н. Г. Чернышевскаго и И. Т. Миловидова. Мнѣ посчастливилось слышать и того и другого и потому съ благодарностью памятую ихъ труды и старательное ознакомленіе каждаго изъ своихъ учениковъ съ теоріей и практикой этой науки.

Уроженецъ Саратова, Чернышевскій, по окончаніи курса кандидатомъ филологіи, былъ назначенъ учителемъ Саратовской гимназіи, гдѣ, пробывъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ перевелся въ Петербургъ учителемъ 2-го кадетскаго корпуса. О способностяхъ, умѣ, знаніяхъ и направленіи этого педагога-учителя не только юношества, но и народа, какъ мыслителя и проводника разумныхъ идей, я считаю излишнимъ здѣсь распространяться, такъ какъ Чернышевскій извѣстенъ всей мыслящей Россіи.

Этотъ педагогъ былъ первою восходящею звѣздою въ сумеркахъ, царившихъ въ педагогическомъ персоналѣ Саратовской гимназіи; съ его пріѣздомъ началось вѣяніе новаго духа; старики педагоги, окостенѣвшіе въ невѣжественномъ пониманіи образовательнаго и воспитательнаго значенія юношества, стали мало по малу замѣщаться достойною, знающею и образованною молодежью, вполнѣ способною исполнять тяжелую миссію просвѣщать молодое поколѣніе.

Съ пріѣздомъ Чернышевскаго, кромѣ классныхъ занятій по русской литературѣ были введены, до тѣхъ поръ не бывшія, внѣклассныя литературныя бесѣды, на которыхъ собирались ученики старшихъ четырехъ классовъ и читались сочиненія, исполненныя воспитанниками на заданныя имъ темы. Здѣсь шли дебаты о достоинствахъ или недостаткахъ читаемыхъ сочиненій и правильности пользованія источниками. Разсужденія эти велись подъ руководствомъ Чернышевскаго, который регулировалъ возраженія оппонентовъ, доказывая или опровергая сущность и значеніе ихъ, объясняя въ то же время пріемы литературныхъ трудовъ извѣстныхъ писателей. Къ несчастію, директоръ Мейеръ, какъ филологъ, считавшій себя знатокомъ литературы и постоянно присутствовавшій на бесѣдахъ, нарушалъ спокойное ихъ теченіе грубостями или ругательными изреченіями (выше пояснено), обращенными къ ученику составителю сочиненія или его оппонентамъ, рѣчи которыхъ почему-либо ему не нравились. Кроткій и въ высшей степени деликатный, Чернышевскій своимъ мягкимъ и пріятнымъ голосомъ, полнымъ справедливости, старался смягчить нравъ директора и защитить учениковъ отъ его нападокъ—что всегда и удавалось, чѣмъ и возстановлялось спокойное и правильное теченіе литературныхъ бесѣдъ.

Знакомство съ теоріей русской литературы и ея отдѣлами Чернышевскій сообщалъ ученикамъ черезъ свѣдѣнія объ основахъ этой науки и практически знакомилъ учениковъ съ классическими произведеніями авторовъ, разбирая ихъ вліяніе на общество и его развитіе, и вообще способствовалъ къ правильному уразумѣнію духа и направленія авторовъ въ зависимости отъ историческихъ причинъ или событій... Славянскій языкъ такъ же разумно преподавался,

такъ какъ Чернышевскій на-ряду съ теоріей знакомилъ учениковъ съ переводами и разборами Остромірова евангелія, Слова о полку Игоревѣ, поученія Владиміра Мономаха и др.

Ежедневно возвращаясь послѣ классовъ домой, Чернышевскій былъ сопровождаемъ множествомъ учениковъ, съ которыми онъ, какъ отецъ съ дѣтьми, дружески бесѣдовалъ, узнавалъ о здоровьи ихъ домачадцевъ, гдѣ они живутъ, шутилъ и смѣялся и пожималъ руки тѣхъ, кому приходилось, приближаясь къ своему дому, прощаться съ учителемъ. Лѣтомъ, по вечерамъ, Чернышевскій дѣлалъ прогулку и, если видѣлъ, что въ какомъ-нибудь дворѣ идетъ игра гимназистовъ, то онъ заходилъ во дворъ и принималъ участіе въ забавахъ. Тутъ Чернышевскій до того оживлялся и увлекался развлеченіемъ игрою, что отъ чрезмѣрной усталости усаживался для отдыха на какомъ-либо обрубкѣ или доскѣ, ведя разговоръ съ мальчиками. Все это свидѣтельствовало о его любви къ ученикамъ, которые и въ свою очередь чтили и уважали Чернышевскаго, какъ добрѣйшаго человѣка и полезнаго учителя. День его отъѣзда изъ Саратова былъ скорбнымъ для всѣхъ гимназистовъ, которые тѣснились, окружая его квартиру, и со слезами напутствовали его отбытіе.

Да, Чернышевскій былъ истиннымъ свѣточемъ, память о которомъ не изгладится у всѣхъ знавшихъ его по педагогическимъ и литературнымъ трудамъ и у всѣхъ тѣхъ, кто былъ счастливъ знать его лично.

Послѣдующій продолжатель преподаванія исторіи русской литературы былъ филологъ, кандидатъ университета И. Т. Миловидовъ; вполнѣ корректный при хорошемъ воспитаніи и свѣтскомъ лоскѣ, пользуясь своими познаніями и начитанностью, велъ дѣло преподаванія, пріучая слушателей къ практической работѣ, задавая имъ разнообразныя темы для сочиненій и разбора русскихъ писателей о вліяніи ихъ на литературу и общество. Общія бесѣды о достоинствѣ ученическихъ сочиненій продолжались такъ же, какъ и при предшественникѣ его Чернышевскомъ, о которомъ Миловидовъ отзывался съ особеннымъ уваженіемъ. Миловидовъ былъ любезенъ и обходителенъ съ учениками, помогалъ имъ въ работахъ своимъ знаніемъ, указывая, какъ что сдѣлать и въ какомъ источникѣ порыться, чтобы отыскать необходимыя данныя для сочиненія или разсужденія объ извѣстномъ лицѣ или предметѣ. За недостаткомъ книгъ въ гимназической скудной библіотекѣ доставалъ ихъ въ городской или у частныхъ лицъ и тѣмъ облегчалъ трудъ своихъ слушателей. Своею гуманностью и полезною дѣятельностью для учащихся онъ заслужилъ благодарность и добрую память послѣднихъ тѣмъ болѣе, что его идеи и здравыя сужденія были направлены къ правильному

нониманію жизненныхъ недуговъ того времени и указанію способовъ и средствъ къ устраненію ихъ въ будущемъ, мѣрами развитія образованія.

Всеобщая исторія (древняя, средняя, новая и русская) преподавалась, начиная съ четвертаго класса, и предметъ этотъ былъ камнемъ преткновенія и для учителя, и для учениковъ, такъ какъ ни тотъ, ни другіе не могли разсказать или разгадать, въ чемъ состоитъ дѣло всемірной исторіи вообще и русской — въ частности. Этимъ предметомъ заправлялъ[1]) кандидатъ, историко-филологъ Московскаго университета М. А. Лакомпте; молодой человѣкъ, весьма пріятный и любезный въ общеніи съ кѣмъ бы то ни было, много обѣщавшій сдѣлать въ пользу знаній своихъ учениковъ, но изъ всего этого не было никакого толку. Онъ мнилъ себя другомъ и пріятелемъ московскаго профессора исторіи Кудрявцева, который будто бы особенно отличалъ студента Лакомпте и его способности къ историческимъ изслѣдованіямъ. Этотъ педагогъ отвергалъ всякіе того времени печатные курсы по исторіи и на каждомъ урокѣ усиленно читалъ выдержки изъ обширнаго печатнаго историческаго изданія любимаго имъ профессора и друга; слушателямъ приходилось лишь хлопать ушами, такъ какъ запомнить все прочитанное учителемъ превышало юношескую силу памяти, а прочитать оригиналъ было невозможно, такъ какъ онъ былъ единственный и составлялъ собственность лектора, который съ нимъ носился, какъ кошка съ мышкой. По русской исторіи, по иниціативѣ того же Лакомпте, гимназія выписала и продавала ученикамъ краткій печатный курсъ Соловьева, который кое-какъ пережевывался учениками, и на экзаменахъ русской исторіи они могли давать отвѣты по хронологіи событій объ историческихъ русскихъ дѣятеляхъ, о походахъ и завоеваніяхъ и т. п. Что же касается исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ, то знаніе учениками этихъ премудростей отзывалось какимъ-то сумбуромъ отъ мѣшанины слышаннаго ими на такъ называемыхъ лекціяхъ (чтеніе книги) преподавателя и кое-чего почерпнутаго изъ исторіи стараго учебника. А какъ директоръ Мейеръ, считавшій себя знатокомъ исторіи, присутствуя на экзаменахъ, нерѣдко путался, а отчасти былъ запутываемъ странными и мало понятными отвѣтами экзаменующихся, то онъ ограничивался лишь ругательствомъ, не вліяя на оцѣнку знаній балломъ, который былъ всегда не ниже цифры 3. Удовлетворительные баллы учащихся были пріі-

[1]) Именно заправлялъ, но не преподавалъ и научалъ бы слушателей разумно ознакомиться, хотя вкратцѣ, съ міровыми событіями временъ и народовъ.

ятны и для учителя, и для директора, такъ какъ изъ округа получались похвалы за ученическія преуспѣянія.

Такимъ образомъ наука исторіи для учениковъ Саратовской гимназіи была terra incognita.

Математика и физика преподавались двумя учителями, изъ которыхъ одинъ умудрялъ три младшихъ класса, а другой четыре старшихъ. Всѣ отдѣлы математики, согласно программѣ, проходились по имѣвшимся въ то время печатнымъ курсамъ, значеніе и сила которыхъ чувствовалась даже и въ гимназіяхъ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. При подспорьи учебниковъ учителямъ математики оставалось лишь аккуратное посѣщеніе классовъ и своевременное заданіе уроковъ по учебникамъ, помимо всякихъ объясненій—что̀ всегда и дѣлалось; кромѣ того они выслушивали отвѣты учениковъ по усвоенію имъ заданій и аттестовали соотвѣтственнымъ балломъ.

Исполнителями внушенія ученикамъ математическихъ премудростей были П. Я. Ефремовъ и С. А. Колесниковъ—оба кандидаты математики Казанскаго университета — заурядные знатоки своего дѣла въ особенности по неумѣнію того и другого сдѣлать преподаваемые имъ предметы интересными и доказательными, а не сухими, требующими долбни и памяти. Въ особенности плохо шелъ курсъ физики, такъ какъ учитель Колесниковъ по старости, тучности и лѣности, мало обращалъ вниманія на пользу физическаго кабинета, гдѣ, благодаря его невнимательности, всѣ вещи и предметы носили видъ запущенности; многія вещи были поломаны или разбиты отъ неумѣлаго съ ними обращенія. Опыты по физикѣ сводились къ смотрѣнію пляски разныхъ фигуръ или шариковъ изъ бузины отъ дѣйствія электричества, къ заряженію Лейденской банки при помощи электрической машины, къ умерщвленію воробья подъ стекляннымъ колпакомъ при вытягиваніи воздуха и еще кое-какихъ незатѣйливыхъ манипуляцій съ гіероновымъ шаромъ, машиною Атвуда, качаніемъ маятника и т. п. Что же касается звука, свѣта, магнетизма, простыхъ машинъ и проч., то знаніе обо всемъ этомъ, да и многомъ другомъ, ограничивалось лишь твердымъ усвоеніемъ учениками текста учебника физики Ленца.

О личныхъ достоинствахъ г.г. Колесникова и Ефремова можно сказать, что оба они, держась въ предѣлахъ видимой законности, не пренебрегали услугами состоятельныхъ родителей учениковъ въ доброхотномъ жертвованіи дровъ, сѣна или овса, и даже домашней живности; а чаще всего они внушали родителямъ необходимость домашней подготовки ихъ сыновей за хорошую поурочную плату. Впрочемъ такого сорта наставники въ Саратовской гимназіи не со-

ставляли исключенія, такъ какъ и другіе (хотя не всѣ) не прочь были поддержать свои скудныя средства при грошевыхъ окладахъ ихъ жалованья.

На гимназіи, между прочимъ, лежала обязанность вести метеорологическія наблюденія, результаты которыхъ посылались въ Казань; для этого на дворѣ гимназіи имѣлись: термометръ, дождемѣръ и флюгеръ—указатель вѣтровъ. Исполненіе наблюденій было поручено учителю Ефремову, а какъ онъ жилъ внѣ гимназіи, то всю работу по наблюденіямъ поручалъ одному изъ пансіонеровъ—ученику 7-го класса гимназіи, а вычисленіе по даннымъ изъ наблюденій и составленіе по нимъ таблицъ возлагалось на другого ученика. Такимъ образомъ ученики практиковались (конечно, съ пользою для себя) въ составленіи метеорологическихъ данныхъ для Саратова, а учитель, не принимая въ этомъ никакого личнаго участія, аккуратно высылалъ въ Казань результаты чужихъ трудовъ. Воспоминаніе объ этихъ математикахъ-учителяхъ ограничивается лишь тѣмъ, что они были и сошли со сцены.

Чистописаніе, рисованіе и каллиграфія, благодаря умѣлости учителя художника А. И. Година—хорошаго портретиста и искуснаго каллиграфа, велось съ большимъ толкомъ, и въ результатѣ гимназія, на годичныхъ актахъ, блистала выставкою художественныхъ произведеній своихъ питомцевъ. Здѣсь были прекрасные рисунки чернымъ карандашемъ и тушью разныхъ эстамповъ, головокъ, ландшафтовъ, изящныя каллиграфіи съ разноцвѣтными буквами и красиво-вычурными росчерками, исполненными отъ руки. Все это вызывало похвалу и удивленіе лицъ, посѣщавшихъ гимназическій праздникъ, и сдѣлало добрѣйшаго Година лицомъ, въ трудахъ котораго были заинтересованы многіе обыватели, дававшіе художнику заказы.

Въ кругъ гимназическихъ предметовъ преподаванія входили еще законовѣдѣніе, языки нѣмецкій, французскій и, какъ вѣнецъ премудрости языкознаній,—латинскій и греческій языки.

Такъ какъ преподаваніе древнихъ языковъ начиналось съ четвертаго класса, то ученики, желающіе по окончаніи гимназическаго курса поступить въ университетъ, должны были изучать древніе языки; тѣ же, которые, окончивъ курсъ гимназіи, не думали быть въ университетѣ—слушали курсъ законовѣдѣнія.

Учителемъ законовѣдѣнія былъ юристъ кандидатъ Казанскаго университета А. М. Имшенецкій. Человѣкъ почтеннаго возраста, довольно объемистый, добрѣйшій, любившій покой и сытный столъ. Онъ слово въ слово зналъ толстый печатный учебникъ (имя автора запамятовано), отъ котораго не отступалъ ни на іоту; поэтому изла-

гать урокъ своими словами не допускалъ ни себѣ, ни ученикамъ, считая это за вольный духъ, и пояснялъ такъ: смыслъ закона долженъ быть ясенъ и точенъ, а потому отнюдь не допускаетъ коверкать его; а въ текстѣ учебника все изложеніе обдумано и оно не есть краснорѣчіе составителя, а заимствовано отъ тѣхъ умовъ, кои потрудились надъ изданіемъ самыхъ законовъ. Съ такимъ взглядомъ учителя изученіе законовѣдѣнія было нечто иное, какъ долбленіе въ зубряжку учебника и состояло въ слушаніи пѣвучаго басистаго голоса Имшенецкаго точныхъ изреченій учебника. Курсъ законовѣдѣнія проходили въ 4, 5 и 6 классахъ, а въ 7-мъ шло повтореніе и практика въ канцелярскомъ письмоводствѣ, т. е. составлялись разныя прошенія, отношенія, рапорты и др. образцы дѣловыхъ бумагъ. Подобныя ни къ чему негодныя занятія, при своей безполезности, вводили учениковъ только въ напрасныя траты по покупкѣ бумагъ и чернилъ.

Въ низшихъ трехъ классахъ французскій и нѣмецкій языки преподавались для ознакомленія учащихся съ грамматическими правилами, а съ четвертаго—преподавалась краткая литература этихъ нарѣчій съ переводами нѣмецкихъ и французскихъ писателей на русскій языкъ и обратно.

Учителемъ французскаго языка низшихъ 3-хъ классовъ былъ Вульфертъ—французъ, ветеранъ великой арміи Наполеона I, плѣненный подъ Березиной, съ разбитой параличемъ правой рукой и ногой и контуженный въ лицо съ поврежденіемъ языка. До плѣненія онъ былъ brigadier (ефрейторъ) въ одномъ изъ взводовъ какого-то французскаго кавалерійскаго полка, будто бы славно спасшагося при форсированіи черезъ р. Березину, а герой учитель, бывшій въ охранѣ переправы, не успѣлъ перебраться на другой берегъ и былъ захваченъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Смоленскъ въ лазаретъ. По излѣченіи онъ былъ взятъ какимъ-то помѣщикомъ въ деревню въ качествѣ гувернера къ сыну: затѣмъ въ 1814 году съ сыномъ помѣщика переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ, по его разсказамъ, пріобрѣлъ хорошее знакомство, и, считаясь дѣльнымъ гувернеромъ, былъ зарекомендованъ попечителю Московскаго учебнаго округа, который и исходатайствовалъ передъ графомъ Уваровымъ объ опредѣленіи его, какъ знатока, учителемъ въ Саратовскую гимназію. Краткая исторія жизненнаго пути этого педагога уже достаточно свидѣтельствуетъ о его педагогической способности; дальнѣйшее изложеніе лишь подтвердитъ ту ошибку, благодаря которой онъ попалъ въ учителя.

Какъ тяжело раненый и вдобавокъ разбитый параличемъ, Вульфертъ еле передвигалъ ногами при помощи клюки, которая служила ему и оружіемъ для воинственныхъ атакъ на учениковъ и

обороною противъ ихъ нападеній или попытокъ пугать его. Искалѣченный, обезображенный болѣзнями и ранами, Вульфертъ при взглядѣ на него былъ жалокъ, но по внутреннему его содержанію и характеру былъ извергъ, заслуживающій презрѣнія. Походка его представляла какую-то путаницу рукъ и ногъ, болтающихся впередъ, назадъ, вправо и влѣво; рѣчь же, вслѣдствіе паралича и заплетавшагося отъ поврежденія языка, была непонятна ни на русскомъ (мало ему понятномъ), ни на французскомъ языкахъ. И вотъ этотъ калѣка, входя въ классъ разсомахою, иногда натыкался на учениковъ и тотъ часъ же давалъ имъ по головамъ жестокіе удары лѣвой рукой или клюкой за то, что они не успѣли посторониться; тѣ же пріемы были имъ употребляемы, когда онъ, подзывая къ себѣ учениковъ для отвѣтовъ уроковъ, оставался недоволенъ ихъ знаніями. За то и ученики не щадили Вульферта своими изощреніями въ запугиваніи его: пускали самодвижущіяся игрушки въ видѣ мышей или крысъ, при видѣ которыхъ, не разбирая, въ чемъ дѣло, нервный педагогъ приходилъ въ ужасъ, нерѣдко сопровождавшійся обморокомъ, вызывавшимъ потребность поданія помощи, что̀ соединено было съ появленіемъ въ классъ надзирателя или инспектора. А какъ Вульфертъ боялся проявлять нередъ начальствомъ свой недостатокъ поведенія по отношенію къ ученикамъ, то, придя въ сознаніе, не обнаруживалъ причины обморока, относя все къ болѣзненному своему изнуренію. Ученики же, какъ будто ни въ чемъ неповинные, не обнаруживали своей виновности, дѣлая видъ удивленія на все происшедшее. Были и другія шалости учениковъ вродѣ смазыванія медомъ стула за каѳедрой, на который Вульфертъ садился всегда опрометью, или на перо при чернильницѣ на каѳедрѣ насаживали муху или бумажную кляксу, и Вульфертъ, плохо видѣвшій, хваталъ перо, макалъ его въ чернильницу и, желая въ своемъ журналѣ поставить ученику отмѣтку, замарывалъ листы до невѣроятности. Много было и другихъ выходокъ со стороны учениковъ, и онѣ далеко не похвальны; но причина ихъ лежала глубже неблагоразумія юнцевъ, такъ какъ держать такого преподавателя, какъ Вульфертъ, было абсурдомъ, дѣлавшимъ уроки французскаго языка какимъ-то цирковымъ представленіемъ, гдѣ не было никакой возможности дойти не только до уразумѣнія грамматики языка, но даже выучиться читать и писать. Ученики Вульферта рѣчи его не понимали, такъ какъ онъ русскаго языка не зналъ, а родную свою рѣчь, что называется, невнятно буркалъ; уроки изъ грамматики задавались безъ всякой системы—одинъ разъ склоненія, а въ слѣдующій разъ глаголы, когда еще и первое не усвоено, и такая безалаберщина въ системѣ тянулась цѣлыхъ три года (въ младшихъ классахъ).

Результатомъ только-что изложеннаго было то, что гимназисты, добравшись до четвертаго класса, должны были снова приняться за изученіе французской грамматики, но уже подъ руководствомъ новаго учителя старшихъ классовъ Зарубаева и при благосклонномъ и внимательномъ его участіи посвящали этому весь годъ (до перехода въ 5-й классъ); съ пятаго же класса начинались переводы съ одного языка на другой при помощи преподавателя и лексикона. А какъ Зарубаевъ былъ университантъ, хорошо знавшій русскій языкъ и его литературу, равно какъ и французскій, которымъ владѣлъ, какъ роднымъ, то при настойчивости и любезной готовности его служить дѣлу съ сознаніемъ возможности выполнить свою миссію въ извѣстный періодъ времени (въ 4 года), занятія шли успѣшно и давали хорошіе результаты, дозволявшіе ученикамъ 6-го и 7-го классовъ излагать свои мысли разговорнымъ языкомъ по-французски, дѣлать переводы съ французскаго à livre ouverts и съ небольшими затрудненіями — съ русскаго на французскій. Такъ что знаніямъ французскаго языка гимназисты-саратовцы были обязаны исключительно Зарубаеву, который и пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ его учениковъ, какъ человѣкъ добрѣйшій, безъ всякихъ претензій и искренне старавшійся подѣлиться съ гимназистами своимъ знаніемъ французскаго языка и его литературы.

Греческій языкъ преподавалъ кандидатъ философъ Казанской духовной академіи Синайскій. Это былъ старикъ, посвятившій свою жизнь литературѣ эллиновъ, написалъ и издалъ составленную имъ грамматику греческаго языка, сочинялъ на этомъ языкѣ вирши и безукоризненно зналъ наизусть многія главы изъ Гомера, которыя безошибочно декламировалъ. Преподаваніе его было немногосложное и краткое: оно касалось лишь грамматическихъ правилъ и легкихъ переводовъ съ лексикономъ съ греческаго языка на русскій. Само собою разумѣется, что между изучавшими этотъ языкъ не могли народиться эллинисты.

Начинавшееся съ четвертаго класса преподаваніе латинскаго языка велъ филологъ К. В. Бауэръ, природный нѣмецъ-остзеецъ, плохо владѣвшій русскимъ языкомъ, но латынь ему далась; грамматику онъ передавалъ не иначе, какъ благозвучнымъ стихотворнымъ изложеніемъ. Личность Бауэра была, что называется, смѣлоудалая, ни передъ кѣмъ не стѣсняющаяся и не любившая указаній свыше. Громкіе басовые возгласы похвалы или порицанія учениковъ во время уроковъ, а равно словесная передача имъ правилъ грамматики звучали по всей гимназіи. Будучи умѣреннымъ либераломъ, не чуждался однако грубыхъ своихъ выходокъ; въ познаніяхъ мало чѣмъ отличался, восхваляя впрочемъ нѣмцевъ. Система преподаванія

грамматики состояла въ твердомъ зазубриваніи стихотворныхъ правилъ и умѣнія примѣнять ихъ для оборотовъ рѣчи при переводахъ. Самые переводы въ каждомъ классѣ были ежегодно одни и тѣ же клочки, повыдернутые изъ разныхъ латинскихъ книгъ.

Обыкновенно въ началѣ года Бауеръ, начиная свой первый урокъ въ четвертомъ классѣ, обращался къ ученикамъ съ внушительнымъ громогласнымъ указаніемъ на пользу и значеніе знанія латинскаго языка, который дескать дастъ возможность ознакомиться съ древнимъ римскимъ міромъ, отъ котораго, какъ отъ лучезарнаго солнца, пошли по всей вселенной яркіе лучи свѣта просвѣщенія, искусства, зодчества и ваянія. Затѣмъ, нѣсколько успокоившись, но все-таки величественнымъ голосомъ, начиналъ свой курсъ [1]) такъ:

Всѣ имена мужей, рѣкъ, всякаго народа,
Вѣтровъ и мѣсяцевъ—суть мужескаго рода.
Деревьевъ, женъ и городовъ, равно земель и острововъ
—Суть женскаго изъ всѣхъ родовъ.
То жъ, чего нельзя склонять—
—Среднимъ должно называть,

—еще вродѣ этого:

Какъ на a, равно на ae—
—Женскаго суть рода всѣ;
А на es или на as—
—Въ мужескій всѣ идутъ классъ

или:

Имена на do, go, io—
—Женскаго суть;
Echo, tago и другіе—
—Мужескаго и т. д.

Такъ, въ стихахъ излагалась вся грамматика, заключая въ себѣ имена существительныя, глаголы, прилагательныя, мѣстоименія и проч., и составляла собою изрядную тетрадь. Здѣсь лишь для образца помѣщено только три курьезныхъ куплета, но всѣ остальные въ такомъ же родѣ. Между тѣмъ существовавшій уже въ то время довольно объемистый курсъ латинской грамматики Кюнера Бауеръ игнорировалъ, какъ негодный къ основательному изученію трактуемыхъ въ немъ правилъ и пріемовъ, несходныхъ съ тѣми, которые штудировалъ онъ лично. Однако всѣ саратовскіе гимназисты-латинисты, по окончаніи курса гимназіи, по тогдашнимъ правиламъ,

[1]) Стихотворная латинская грамматика была рукописная, экземпляры которой переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. Здѣсь приведено нѣсколько стиховъ.

поступали безъ экзамена лишь въ Казанскій университетъ; въ другіе же русскіе университеты поступленіе сопряжено было съ вступительными экзаменами, на которыхъ ученики Бауера частенько проваливались по-латыни. Да и немудрено было не проваливаться, такъ какъ въ гимназіи экстемпорале шло слабо, и ученики практиковались только на переводахъ Корнелія Непота или Саллюстія, а что касается Цицерона или Тита Ливія, то переводы ихъ, и то съ грѣхомъ пополамъ, могли дѣлать два-три человѣка изъ окончившихъ курсъ.

Такимъ образомъ ознакомленіе учениковъ съ латынью было по результатамъ не изъ важныхъ, благодаря системѣ самаго преподаванія и упорству учителя въ нежеланіи перейти къ болѣе удобному и общеполезному методу. Можно сказать только, что латинскій языкъ въ Саратовской гимназіи 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго вѣка преподавался лишь нѣсколько хуже и слабѣе, чѣмъ въ послѣдующіе годы, когда, въ виду мнимой возможности поднять классицизмъ въ гимназіяхъ, были вызваны заграничные славяне, не знавшіе русскаго языка, и безрезультатно для пользы юношества забивали ихъ головы древними языками.

До 1854 года въ гимназіяхъ графа Уварова юношество не просвѣщалось естествознаніемъ, но съ этого года оно было введено и былъ присланъ преподаватель; гимназія обзавелась учебниками зоологіи и ботаники съ политипажами и рисунками въ текстѣ. Прибывшій учитель [1]) только-что окончилъ кандидатскій экзаменъ естественнаго факультета Казанскаго университета, былъ прекрасный лекторъ, внимательно относившійся ко всему, что было полезно къ наилучшему уразумѣнію преподаваемаго имъ предмета; поэтому онъ, помимо классныхъ занятій, много работалъ надъ созданіемъ при гимназіи зоологическаго кабинета. Въ то время въ Саратовѣ, за неимѣніемъ мастеровъ и матеріаловъ для выдѣлки чучелъ, нужно было все это выписывать изъ Москвы, на что̀ требовались время и средства, а какъ послѣднихъ не было, то только послѣ усиленныхъ хлопотъ и бумагомаранія, къ началу занятій слѣдующаго 1855 года воспослѣдовало ассигнованіе 300 руб. Учитель метался, чтобы хоть что-нибудь создать и пріобрѣсти на мѣстѣ, но напрасно; поэтому постепенно въ теченіе этого года и двухъ слѣдующихъ было выписано изъ Москвы небольшое количество разныхъ зоологическихъ препаратовъ для кабинета; ограниченность ассигнованной суммы и значительная стоимость чучелъ дѣлали обстановку кабинета скудною, такъ какъ многаго еще не было, а многое изъ

[1]) Имя и фамилія его за давностью запамятованы.

присланнаго, за дурною упаковкою, попорчено въ дорогѣ. Только по части флоры, да и то лишь мѣстной, въ первое же лѣто учитель составилъ довольно полный гербаріумъ. Такимъ образомъ, несмотря на умѣлость преподаванія и полное знаніе своего дѣла учителемъ, естествознаніе въ гимназіи велось, что называется, „подъ сухую", такъ какъ ученикамъ приходилось знакомиться съ родами и видами животныхъ, да частью и растеній, изъ политипажныхъ рисунковъ учебниковъ; большихъ же, хорошо исполненныхъ красками зоологическихъ картъ въ то время не было. Вообще естествознаніе двигалось хотя и туго, но съ годами оно дѣлалось болѣе доступнымъ для всякаго желающаго ученика и все это—благодаря искреннему усердію и желанію учителя своими хлопотами и трудами сдѣлать зоологію и ботанику курсами теоретически наглядными, какъ болѣе доступными памяти юношей—что̀ давало существенную пользу къ естествопознанію. Словомъ сказать, естествознаніе въ Саратовской гимназіи новымъ учителемъ въ два года было поставлено прочно, благодаря вполнѣ достаточному обогащенію зоологическаго кабинета множествомъ препаратовъ и прекрасныхъ иллюминованныхъ картъ и способностямъ лектора читать свой предметъ съ тою картинностью, которая дѣлала его интереснымъ для слушателей.

Нѣмецкій языкъ, преподаваемый въ гимназіи, былъ для учениковъ поистинѣ нѣмымъ, такъ какъ учитель былъ полнѣйшій невѣжда въ знаніи и пониманіи русскаго языка, и типъ этого наставника представлялъ собою табачной фабрики Сигарнаго мастера остзейца, о чемъ читатель узнаетъ ниже. Внушителемъ знаній нѣмецкаго языка былъ К. А. Гаакъ, видъ котораго былъ похожъ на египетскую мумію съ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ кожи всего тѣла; облачался онъ въ мѣшкообразнаго покроя платье, которое сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ; его непомѣрно длинный, осѣдланный громадными очками, мертвецкій носъ, черные зубы, всегда жующіе обрѣзки сигаръ, и лицо, незнавшее улыбки — все это дѣлало изъ него страшилище, пугалу, которымъ онъ и дѣйствительно былъ для всѣхъ учащихся. Бездушный, грубый и способный къ язвительной мстительности, клонившейся къ задержанію нелюбимыхъ имъ учениковъ въ классѣ, лишеніемъ ихъ права на переводъ въ слѣдующій высшій, при посредствѣ дурного балла,—все это порождало со стороны его учениковъ полнѣйшую къ нему ненависть.

Въ то время существовала тощая печатанная грамматика нѣмецкаго языка, которая и служила учащимся основой знаній, такъ какъ Гаакъ, не владѣя русскимъ языкомъ, излагалъ все по-нѣмецки и неразборчиво, а изъ слушателей его этотъ языкъ знали лишь немногіе нѣмцы гимназисты, поэтому рѣчи преподавателя

были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. При такой обстановкѣ изученіе языка и его грамматическихъ правилъ шло черепашьимъ шагомъ, такъ что ученики только въ третьемъ классѣ, пройдя конечно 1-й и 2-й, могли зазубрить нѣмецкій учебникъ грамматики и кое-какъ умѣли склонять и спрягать, да знали нѣсколько десятковъ нѣмецкихъ словъ и названій обиходной жизни. Переводы въ трехъ младшихъ классахъ заключались въ затверживаніи наизусть и отвѣтахъ передъ учителемъ короткихъ фразъ въ родѣ: Haben sie di Zeitung gelesen? Ja ich habe sie gelesen и т. п. или:

Вопросъ. Кто истинно умный? Отвѣтъ. Тотъ, кто мудрый.

— Для чего нужны щипцы?—Для сахара, чтобы не брать руками, при чемъ отвѣчающіе, сказавъ по-русски (учитель не понималъ), должны были повторить то-же самое по-нѣмецки. Для подобныхъ отвѣтовъ учитель къ своей каѳедрѣ, за которою онъ сидѣлъ, вызывалъ учениковъ парами, изъ которой одинъ вопрошалъ, а другой отвѣчалъ; высокая каѳедра закрывала отъ учителя отвѣчающихъ учениковъ снизу до груди — что давало имъ возможность преспокойно вычитывать по шпаргалкамъ, пришитымъ къ подкладкѣ полъ ихъ сюртуковъ. Такія комическія сцены проходили гладко, благодаря слѣпотѣ Гаака, который видѣлъ учениковъ какъ бы въ туманѣ. Съ четвертаго класса Гаакъ изощрялся надъ вдалбливаніемъ въ учениковъ нѣмецкой литературы, для чего каждому классу (одно и то-же ежегодно) назначались переводить извѣстные историческіе эпизоды: въ 4-мъ классѣ переводили Владиміра Мономаха — по-русской исторіи, а по-нѣмецкой—о величіи дома Бранденбурговъ: въ 5-мъ классѣ темами были: эпизоды царствованія Екатерины II и значеніе для Пруссіи Фридриха Великаго; въ 6 и 7 классахъ темы были иныя, но въ родѣ упомянутыхъ. Такіе переводы совершались или въ классѣ, при содѣйствіи учителя, или задавались ученикамъ для домашнихъ упражненій; при заданіи перевода на домъ Гаакъ бралъ у кого-либо изъ учениковъ книгу и отчеркивалъ въ ней карандашемъ тѣ мѣста, которыя подлежали переводу. А какъ Гаакъ не понималъ значенія русскихъ словъ, то помѣтки дѣлалъ какъ попало [1]), и въ результатѣ заданный текстъ былъ безъ смысла.

Съ какими познаніями нѣметчины выходили ученики, кончившіе

[1]) Напримѣръ: такого-то | года съ неимовѣрной быстротой послѣдовали преобразованія — далѣе слѣдуетъ ихъ перечисленіе, которое заканчивалось словами — и все это обязано мудрому Владиміру | Мономаху. Мудрый учитель ставилъ черту впереди года и затѣмъ такую же, какъ здѣсь и показано, передъ Мономаху, несмотря на то, что послѣ этого слова стояла точка.

курсъ Саратовской гимназіи при ея инспекторѣ, нѣмцѣ и достойномъ его учителѣ Гаакѣ, нетрудно догадаться, прочитавъ эти строки.

Только въ началѣ 1860-хъ годовъ формальное разслѣдованіе обнаружило, что Гаакъ дѣйствительно былъ мастеромъ табачной фабрики въ Ригѣ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка учинилъ насиліе надъ однимъ изъ состоятельныхъ совладѣльцевъ фабрики и, похитивъ его паспортъ и нѣкоторую сумму денегъ, впослѣдствіи благополучно выѣхалъ изъ Риги, слоняясь по городамъ и весямъ Россіи (съ чужимъ паспортомъ, по которому выдавалъ себя за Гаака), пристроился учителемъ нѣмецкаго языка въ какомъ-то училищѣ при киркѣ, а затѣмъ волею судебъ и кое-какого знакомства (подобно вышеописанному Вульферту), сдѣлался учителемъ Саратовской гимназіи. По распоряженію судебной власти самозванецъ былъ арестованъ и препровожденъ въ тюрьму. О дальнѣйшей судьбѣ этого дѣятеля, по неизвѣстности, можно сказать только: Sic transit gloria mundi.

Существовавшій при гимназіи пансіонъ, благодаря начальству, содержался въ черномъ тѣлѣ; спальныя помѣщенія и столовая, расположенные въ нижнемъ этажѣ, были темны, сыры и холодны, суконныя куртки, жилеты и панталоны питомцевъ блистали заношенностью и заплатами съ разноцвѣтными швами, сапоги покупались базарные съ толкуна. Пища была очень скудная: утромъ и вечеромъ сбитень съ $^1/_2$ фанзоля и ломтемъ ржаного хлѣба, въ полдень завтракъ изъ одного блюда (мелко рубленный ливеръ съ безвкусною мучною на водѣ подливкою или небольшой кусокъ печенки, жареной въ сметанѣ); на обѣдъ давали супъ или щи, говядина изъ которыхъ шла на второе блюдо съ добавленіемъ картофельнаго или морковнаго соуса, а если мясо употреблялось для пироговъ къ щамъ, то второе блюдо составляла таже традиціонная печенка въ сметанѣ. Въ праздники прибавлялось третье блюдо — сладкое въ родѣ сухого, миндальнаго печенья, или небольшого куска яблочнаго или съ ягодами пирога, или по одному яблоку.

Для занятій и подготовки пансіонеровъ имѣлся большой рекреаціонный залъ, уставленный столами и табуретами, а по стѣнамъ его были развѣшаны географическія карты. Во время реакціонныхъ занятій и ночью наблюденіе за пансіонерами поручалось дежурнымъ изъ учителей, которые вели между собою очередь. Надзоръ этотъ состоялъ въ спокойномъ времяпровожденіи учителя за книгой или газетой, когда онъ въ залѣ, и въ спокойномъ снѣ ночью въ особыхъ при спальняхъ помѣщеніяхъ.

Ради чистоты и опрятности всѣ пансіонеры были острижены подъ гребенку и лѣтомъ водились на купанье въ р. Волгѣ, а зи-

мою—одинъ разъ въ двѣ недѣли — мылись въ банѣ при гимназіи. Баня не отличалась теплотою, содержалась небрежно, доски половъ и лавокъ были гнилыя, воды часто не хватало, такъ какъ, за отсутствіемъ водопровода, ее приходилось доставлять бочками изъ рѣки, что въ грязныя погоды или снѣжныя зимы не давало возможности своевременно исполнить.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что начальство гимназіи въ случаяхъ пріѣзда попечителя, или ревизора изъ учебнаго округа, губернатора, предводителя дворянства и т. п., съ особеннымъ усердіемъ и заботливостью прикрывало наготу пансіонеровъ, одѣвая ихъ въ платье, хранившееся всегда (для экстренныхъ случаевъ) въ запертыхъ гардеробахъ, и улучшало пищу, замѣняя сбитень чаемъ, а скудные завтраки и обѣды — изобильными блюдами; все это туманило посѣтителей, не предполагавшихъ, что такая роскошь есть показная, а не всегдашняя, и они не скупились на похвалы и одобренія, столь пріятныя директору, какъ заботливому хозяину.

Было бы несправедливо читателю вышеизложеннаго упрекнуть меня въ пристрастіи къ обрисовкѣ только черныхъ пятенъ Саратовской гимназіи, оставляя въ сторонѣ полезность и значеніе этого заведенія, отвѣчавшія требованіямъ тогдашняго времени. Такого намѣренія у меня не было, такъ какъ, излагая свои воспоминанія, я не обходилъ молчаніемъ всего того, что давало надежду къ возможности здраваго веденія недагогическаго дѣла. Давно минувшее бытіе Саратовской гимназіи изложено въ дѣйствительной его неприглядности, такъ какъ послѣдняя была госпожею заведенія; но тамъ, гдѣ виднѣлись проблески улучшенія для гимназіи, они мною не замолчаны (географія, русская литература, законъ Божій, французскій языкъ, зоологія); но не моя вина, что все остальное не поддавалось восхваленію, такъ какъ стояло ниже всякой посредственности и къ прискорбію существовало.

Мудрое изреченіе: „законы святы, а судьи супостаты“ вполнѣ примѣнимо къ бывшимъ такъ называемымъ гимназіямъ Уварова, цѣль и программа которыхъ должны были дать юношеству основательную подготовку къ дальнѣйшему ихъ научному усовершенствованію, что отчасти и выполнялось, такъ какъ многія изъ тогдашнихъ гимназій дали Россіи немало людей, извѣстныхъ вноследствіи на разныхъ поприщахъ дѣятельности на пользу отечества. Слѣдовательно, учрежденіе подобныхъ заведеній было не безполезное; все зависѣло отъ руководителей, и тамъ, гдѣ они были низкой пробы, то и ввѣренное имъ учрежденіе было малоцѣннымъ. И въ Саратовской гимназіи были достойные и свѣдущіе преподаватели, проникнутые вѣяніями только-что минувшей крымской кампаніи, и если

бы подобными людьми была замѣнена та старая затхлость, которая царила въ заведеніи, то гимназія могла бы цѣлесообразно отправлять свои функціи, не допуская, чтобы дѣти считались ничтожными паріями, издѣвательство надъ которыми велось невозбранно и подавляло ихъ человѣческія мыслительныя достоинства.

Къ несчастію высшія власти россійскаго просвѣщенія держали все и вся въ ежовыхъ рукавицахъ, не давая гимназіямъ правильно реагировать, и поддерживали въ нихъ тотъ режимъ, при которомъ учащіеся обязывались подчиняться строгимъ требованіямъ и обремененіямъ ихъ головъ древними классиками, отъ чего молодежи было не тепло, а холодно. Къ прискорбію всѣ эти соображенія начальства и мечты его сдѣлать юношество толковымъ, знающимъ и смиренно терпѣливымъ къ несообразностямъ, забивавшимъ ихъ мозги, дали тотъ печальный хаосъ, которымъ омрачены были юношескія натуры россіянъ даже въ недавнемъ прошломъ, когда просвѣщать нашихъ дѣтей были вызваны иностранцы славяне—знатоки древнихъ языковъ.

Сообщилъ Ив. Вороновъ.